

A woman with long dark hair is shown in profile, facing left. She is holding a thin-stemmed flower with small white blossoms near her face. The background is a bright sunset over a field of wildflowers, with the sun low on the horizon creating a strong lens flare. The woman is wearing a dark jacket over a light-colored shirt and several necklaces, including one with a cross and another with a heart. The overall mood is serene and contemplative.

26

МИЛЯ

Ирина Рубцова

Ирина Рубцова

26 миля

«Автор»

2026

Рубцова И.

26 миля / И. Рубцова — «Автор», 2026

Как долго может бежать человек? Единственное существо в мире, которое может себя заставить передвигать ногами при помощи головы. Бежит от себя и в этой гонке ей нет равных. Книга о бегуне, который пытался догнать свою тень.

© Рубцова И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ирина Рубцова

26 миля

Глава

26 миля

загадал когда вырасту, стать никем,
камер видеонаблюдения двойником.
Абсолютно каждый как манекен.
Мыслящим сквозняком.

Вера Полозкова, «Север»

Я сижу в ванной. Вода доходит до горла.

В голове – белый шум, который не выключить. Мысли скачут, цепляются друг за друга, падают. Одна из них – самая громкая, самая навязчивая – звучит так:

«А не поехать ли мне в Африканский корпус?»

Звучит как бред. Как приговор. Как последний шанс.

Я не знаю, как я дошла до этой мысли. Не помню, в какой момент мечта, с которой я жила с детства, превратилась в такое – в желание сбежать так далеко, чтобы себя не найти.

Но я помню другое.

Я помню, как всё начиналось.

Глава 1

Если я буду смотреть на секундную стрелку и считать про себя, я смогу так научиться управлять временем? Я думаю, что если так буду тренироваться, то однажды смогу.

А ещё я мечтаю о маховике времени. Тогда я смогу управлять временем и успею сделать в жизни всё задуманное.

Так интересно, куда же поступят мои одноклассники, какими взрослыми они наверное станут через пять лет после окончания института. Пока что мне сложно представить их в белых халатах или строгих костюмах. Себя я по крайней мере точно не вижу ни в одном из этих воплощений. Себя я вижу писателем или журналистом-исследователем, задумчиво сидящей в плетёном кресле на берегу моря в поисках идеи для нового романа.

Пока что я больше озабочена тем, что надеть на выпускной. Мне уже шьётся платье, и скоро надо будет ехать на его примерку.

После школы я обычно иду на тренировку. Дом находится в трёх километрах от школы, и обычно я бегу это расстояние, чтобы быстрее поесть и отправиться в секцию по лёгкой атлетике. Я хожу в неё уже около года. Это четвёртая моя секция в детско-юношеской спортивной школе. До этого я пять лет занималась лыжными гонками и сама не знаю, почему решила сменить секцию. Возможно, потому что мне захотелось чего-то новенького, расширить круг своих знакомств и попробовать себя в беге. Но если честно, бегать в секции мне не очень нравилось. Как и везде, где нужно соревноваться, а соревновательный дух у меня отсутствовал с рождения.

На улице почти наступило лето, совсем скоро мой семнадцатый день рождения. Семнадцатого мая две тысячи семнадцатого года мне исполнится семнадцать лет.

Стадион усыпан жёлтыми одуванчиками, словно кто-то сверху случайно разлил цистерну с жёлтой краской, и всё вокруг цветёт и пахнет маем. Я уже опаздываю на тренировку, но не могу упустить возможность взять в руки распушившийся одуванчик и изо всех сил дую на него, подставив лицо ветру. Загадываю желание: стать известной писательницей, как Стефани Майер или Рэй Брэдбери; чтобы отец перестал пить, а мать была счастлива; и чтобы у меня получилось сделать вино из одуванчиков, напоить им всех мальчишек из секции, чтобы они наконец меня заметили и влюбились.

Пока что я не знаю, куда идти сегодня ночевать. Последнюю неделю живу у бабушки и стараюсь избегать любого контакта с родителями. Отец в очередной раз напился и кинулся на мать, а я не могла устоять перед тем, чтобы не кинуться ей на помощь. Бесконечные сцены насилия с завидной частотой и регулярностью происходят в моём огромном доме-особняке из кирпича.

Последний раз, когда отец снова на меня набросился, я убежала в лес и долго плакала, пытаюсь успокоиться. В голове белой пеленой стоял занавес страха и злости. Как напуганный зверёк, я прижалась к мокрому стволу дерева и, всхлипывая, задыхалась от боли. Я развязала шнурки на ботинках, скрепила их потуже, перекинула через ветку дерева и попыталась обвязать вокруг шеи. Получилось.

Какой к чёрту выпускной, какие мечты. Я их ненавижу и хочу, чтобы этот ужас прекратился. У меня уже были попытки суицида, я резала себя лезвиями по запястью. Однажды я резанула так глубоко, что не могла уже самостоятельно остановить кровь, и мне пришлось спуститься к родителям после их очередной ссоры, чтобы мне оказали помощь. Мне перемотали руку и сказали, что если я так сделаю ещё раз, то отправят в психушку.

Но на этот раз меня уже ничего не пугало. Я встала на пенёк и, рыдая ещё громче прежнего, собралась прыгнуть.

В этот момент телефон в кармане зазвонил – бабушка.

Бабушку я люблю. Пожалуй, единственный близкий человек, не приносивший мне боли. Я знаю, что и она меня любит. Надо попрощаться напоследок.

– Алло, привет... – сказала я дрожащим голосом.
– Родная, тебя все потеряли. Пожалуйста, не совершай глупостей и приходи ко мне, если хочешь.

Я спустилась.

--

Глава 2

Вряд ли смерть говорит «не звони сюда больше» или там из кабины пилота приветствует перед вылетом.
Ждёт в пустой операционной хирургом, вылитым Джесси Спенсером, стоит ли затевать возню.
Просит у тебя закурить на улице и подносит лицо к огню.
Подаёт томограмму и результаты анализов как меню.
Произносит безрадостно: «подожди, я перезвоню».

И ты ждёшь, когда перезвонит, до вечера.
До полуночи. До утра.
И под утро вдруг понимаешь, что да, пора.

Моя смерть обитает во мне, поёт из меня, как Дженис,
а сама шлифует свои ухмылочки и движеньица.
У неё есть подружка, и я жду, что они поженятся,
доиграются, нарожают себе смертят,
каждый как пасхальный куличик свят с головы до пят,
и я буду жить столько, сколько они того захотят.

Моя смерть из тех, кто кладёт твою руку между ладоней
и шепчет «только не умирай».
И вот тут ты просто обязан сдохнуть – как трагикомик
и самурай.

Вера Полозкова, «Север» (отрывок)

--

Животные чувствуют, когда умирают. Моя крыса Шу начала нетерпеливо колотить по прутьям клетки, привлекая тем самым внимание. Немного неестественное поведение для такого зверька. Шу отличался тем, что он был очень активен и неконтактен, в отличие от его покойного братика Мо, которого мы похоронили месяцев семь назад. У Мо была онкология, кажется, ещё с рождения. Он постоянно хрюкал и кашлял, будто у него под носом рассыпали чёрный перец. Сначала это нам казалось странным, потом мы привыкли, а в марте прошлого года он неожиданно похудел за две недели и осунулся, как тряпочка для протирания столов. Ветеринар показал нам на рентгенограмме огромную опухоль в лёгких с метастазами, и мы очень долго плакали. Перед смертью Мо подполз к нам на кровать и молча лёг между нами.

Мо был менее активным, но зато он очень любил сидеть на руках, позволял себя гладить и был таким пай-мальчиком, в отличие от Шу. Мы наделили этих двух шерстяных комочков таким смыслом, как будто они наши дети и верные друзья, помесь человека, кота и собаки – три в одном, двое за одного.

После смерти Мо было трудно воспринимать Шу в одиночку. В коридоре по приходу домой больше не звучало привычное «мальчики!», и сердце моё охладело, а точнее выстроило баррикаду в ответ на боль от потери любимца.

Сегодня первые признаки ухода подал Шу. Он высунул мордочку из-за прутьев клетки и пристально смотрел на меня, пока я не взяла его в руки. Я села на пол в ванной и тихо плакала, задаваясь немymi вопросами: что ждёт всех нас после смерти?

В среднем крысе отведено прожить от двух до трёх лет. Три зимы, три лета, три осени и три весны. Всего лишь.

Человек же в среднем живёт семьдесят пять лет. Из них я уже прожила двадцать пять. Мне осталось пятьдесят раз встретить весну, лето, осень и зиму. Ещё два раза по столько же. Теперь и мне это кажется не таким уж большим числом.

Насколько я помню, мысль о смерти жила со мной всегда. Спрятавшись под боком, на задворках сознания, шептала на ухо каждый день о том, как быстро летит время. И что теперь? Теперь я сижу и печатаю этот текст на съёмной квартире в глухом посёлке, в надежде, что мои мысли кто-нибудь озвучит.

В прошлом году я похоронила бабушку Тамару. Она была очень добрым человеком-аутистом. Дожила до семидесяти девяти лет, что в общем-то неплохо для её возраста. Тамара жила со своей сестрой, моей родной бабушкой Адой, которой сейчас идёт девяносто первый год. Они были своего рода неразлучной парочкой, и воспринимать их приходилось так же, как я воспринимала Шу и Мо. По отдельности теперь очень сложно. Бабушка Ада до сих пор говорит о себе во множественном числе, по-видимому продолжая ощущать присутствие Тамары.

Интересно, думает ли Шу так же про себя.

Очень надеюсь, что в ином мире, если таковой всё же существует, Шу встретит Мо, а бабушка Ада – свою Тамару. Каждый обретёт покой и найдёт то, что так долго искал.

Что здесь делаю я? Вопрос, так и оставшийся без ответа.

Полтора года назад я решила переехать жить в село, чтобы построить здесь дом, открыть параллельно бизнес – кофейню – и, достигнув желаемого, уйти в декрет, а в свободное время писать мемуары. Я решилась на этот отчаянный шаг, потому что очень сильно желала обрести свободу от своей профессии. И я дала себе на это пять лет. Ровно столько длится контракт по программе «Земский врач».

Но вот в чём фокус: я словила профессиональное выгорание и полную потерю смысла идти дальше. На работе случился провал в пациентах, и мы перестали выполнять план. Дом построен под коробку – стоит сруб с крышей, но денег, чтобы продолжать строительство и

переехать туда, стало катастрофически не хватать. Старт в кофейном бизнесе не увенчался успехом, и несмотря на весь полученный опыт, остались мы в минусе.

Короче, полная жопа. Я в тупике, и я сдаюсь.

Глава 3

Бег – это величайшая метафора для жизни, потому что ты получаешь от него столько же, сколько в него вкладываешь.

Опра Уинфри

Май 2025 года

Мы шли по вязкому болоту, окутанные одеялом из комаров. Одного из нас уже укусило пару клещей, с себя же я сняла двоих, не успевших присосаться. Пожалуй, это единственное, что меня успокаивало на тот момент, а ещё широкое душистое поле, которое выглядывало за кромкой леса, словно свет в конце туннеля – как будто мы вот-вот покинем этот дикий лес и окажемся дома. За спиной было уже тридцать восемь километров болот, высоченных уральских гор, медвежьего дерьма и ледяных рек. Впереди ещё восемнадцать километров жуткого трейла. Мои ноги попрощались со мной где-то на тридцатом километре. Тогда я преодолела высоченную скалу «Три брата», едва не сорвавшись вниз на трясущихся коленях, пару раз прокатилась по склону на пятой точке, цепляясь за стволы обугленных деревьев. В эти моменты я кричала, но меня вряд ли кто-нибудь мог услышать. Так что когда мне всё-таки удалось встретить своих драгоценных сопровождающих, я была похожа скорее на подстреленного дикобраза, впервые выпущенного на волю из зоопарка, нежели на участника соревнований по бегу по пересечённой местности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.